

Нарушения дисциплины в этнических воинских формированиях Русской армии во время Первой мировой войны: причины и последствия.

А.Д. Поперечная

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

a.poperechnaya@outlook.com

В статье анализируется состояние воинской дисциплины в этнических воинских формированиях в годы Первой мировой войны, выявляется динамика и тенденции состояния правопорядка в них на разных этапах войны и при разных политических режимах, показывается, что этнические части по характеру нарушений воинской дисциплины и их количеству не демонстрировали значительных отличий от общероссийских формирований, а революционные события 1917 г. выступили катализатором процессов морально-нравственного разложения и армии в целом, и отдельных ее частей, в том числе и национальных формирований.

Ключевые слова: Первая мировая война, этнические воинские формирования, воинская дисциплина, преступления, проступки.

Правительство Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны старалось привлечь в ряды армии представителей всех народов, проживавших на территории страны. При этом неизбежно возникал вопрос о способах организации службы последних: должны они были составлять отдельные национальные подразделения или же быть интегрированы в русские формирования? Согласно совместному докладу Военного министерства и Министерства внутренних дел императору в 1914 г., создание каких-либо особых, кроме русских, частей нецелесообразно из-за того, что они неизбежно приводят к обострению национального вопроса на окраинах, а в боевом отношении всегда уступают регулярной армии [Захаров, 1927, с. 13].

Военное руководство, в целом выступая против обособления отдельных этносов в рядах вооруженных сил, исходя из текущей политической конъюнктуры, было вынуждено идти по пути создания этно-

национальных формирований, учитывая то, как это может сказаться на боеспособности частей и на состоянии воинской дисциплины в них.

Ничего нового и удивительного в том факте, что военнослужащие не всегда соблюдали законы и распоряжения не было, однако настороженность командования Русской армией к этническим воинским формированиям предопределили особое внимание к нарушениям воинской дисциплины в них, их предпосылкам и отличиям от общероссийских частей.

Проступки и преступления офицеров заключались, главным образом, в нецелевом или излишнем расходовании средств, а также в небрежном оформлении документации. К примеру, начальник Минской местной бригады, комплектовавшейся уроженцами данной губернии, генерал-лейтенант А.Н. Гаврилов, при проверке в декабре 1914 г. местных военных органов управления выявил перерасход продовольствия, якобы выданного на 602 человека не числящихся военнослужащих: «Мною проверено управление Новозыбковского уездного воинского начальника. По ведомости о ежедневном состоянии на кормовом довольствии с 19 по 31 июля числится дач: 12321, а было нижних чинов – 10329, ратников – 1244, сопровождающих – 141, то есть всего 11719»¹. Это был явный факт воровства продовольствия в армии. Подобная ситуация была типична для других формирований.

Генерал от инфантерии Э. Свидзинский отмечал в январе 1915 г., что «многие из записавшихся в конные части добровольцев и именованные первоначальным организатором польских дружин (легионов) подполковником Горчинским зауряд-офицеры по распоряжению непосредственно заведовавшего призывом добровольцев зауряд-ротмистра Лаца, завели парадные уланские мундиры и, не будучи еще собраны, надели эти мундиры, афишируясь в них по улицам г. Варшавы. Польские дружины создаются для войны, а в военное время никаких парадных мундиров ни одна из войсковых частей русской армии не имеет»². Всю эту форму генерал приказал снять и сдать на склад. А все зауряд-офицеры конных сотен,

получившие это звание от В. Горчинского, утверждались в этих званиях только после сдачи испытаний по знанию основ воинской службы.

Такое поведение, с одной стороны, отражало национальную черту характера польской молодежи: стремление покрасоваться в военной форме; а с другой стороны, явилось следствием непродуманных действий, самоуправством самих командиров создаваемых польских подразделений, «присваивавших» офицерские звания, налево и направо, часто не согласовываясь с российским законом.

Были среди офицерского корпуса и такие проступки, как самовольное оставление места службы, без сдачи должности. Так, 22 июня 1916 г. исполняющий обязанности командира 1-й армянской дружины Смбат Бороян писал из Арпета в Тифлис А. Озаняну: «начальство спешно требует с меня список трехлинейных винтовок. Паруйр Парунянц, у коего находятся все списки оружия, без моего разрешения выехал в Тифлис. Прошу задержать и немедленно этапным порядком отправить в дружину»³.

Впрочем, офицерский корпус страдал и другими дисциплинарными проступками и преступлениями: пьянством, игрой в карты и прочее.

Как и в других частях Русской армии, в этнических формированиях проступки и преступления офицеров и нижних чинов значительно отличались. Так, начальник Кагызманского гарнизона, где после отступления из Вана сосредоточились и армянские дружины, генерал-майор К.И. Стояновский в своем приказе № 40 от 19 ноября 1915 г. указывал: «Последнее время мной замечено следующее: нижние чины разных частей, находящихся во вверенном мне гарнизоне, получившие в частях предметы нового обмундирования, как то: теплые фуфайки, шаровары, сапоги и проч., продают туземцам за полцены, вырученные деньги от продажи обмундирования пропивают и сами остаются в старом изношенном...»⁴.

В связи с участвовавшими случаями продажи казенного имущества, в особенности обуви, эвакуированными, больными, а также увольняемыми в

отпуск солдатами при следовании их по железной дороге, 19 июля 1917 г. был издан приказ от интендантства № 1087 по Юго-Западному фронту: «Немедленно объявить на железной дороге о воспрещении покупки у солдат кем бы то ни было разного рода предметов обмундирования, снаряжения и обуви с указанием, что виновные в этом подвергнутся строгой каре. Вменить в обязанности военным командам и железнодорожным агентам удалять вовсе со станций известных им профессиональных скупщиков, а равно не допускать покупку у солдат разного рода вещей»⁵.

Среди всех провинностей среди нижних чинов наиболее характерными были самовольные отлучки. Особенно это было присуще частям, не принимавшим непосредственного участия в боевых действиях: тыловым, выведенным на отдых, на доукомплектование или на переформирование. Так, в течение всей осени 1915 г. значительную долю всех самовольно отлучившихся в гарнизоне г. Бобруйска составили нижние чины польской дружины, проходившей переформирование в стрелковый батальон⁶. Польские солдаты попадались практически каждый день, но рекорд был поставлен 1 и 2 декабря 1915 года, когда из 26 всех задержанных человек, 18 оказались из польского стрелкового батальона⁷.

Начальник гарнизона Бобруйска отмечал 14 декабря 1915 г.: «В течение минувшего ноября было задержано без документов 582 нижних чина, из коих частей Бобруйского гарнизона 349 чел и 233 иногородних.

Наибольшее число задержанных нижних чинов падает на 1-й Польский стрелковый батальон, 6-й Сибирский артдивизион и 54 команду выздоравливающих. Очевидно, в названных частях мои приказы не проводятся в жизнь с должной твердостью, на что и обращаю внимание соответствующих начальников частей»⁸.

Надо иметь в виду, что в указанное время (вторая половина 1915 года) происходило формирование самого батальона. В него прибывало большое количество новых бойцов, не достаточно дисциплинированных и еще не

связанных со старослужащими ни совместной боевой работой, ни какими-либо взаимными обязательствами, что также могло привести к увеличению числа самовольных отлучек. В качестве еще одной причины можно указать элементарное любопытство: солдатам было интересно познакомиться с населенным пунктом, где они оказались впервые.

На других участках фронта, где находились этнические формирования, наблюдалась аналогичная картина. 21 февраля 1917 г. в м. Больдераа Рижского уезда был задержан самовольно отлучившийся младший унтер-офицер 6-го Тукумского стрелкового полка конно-подрывной команды Я.Я. Муценен⁹. В латышском запасном стрелковом батальоне на 10 декабря 1916 г. числилось в бегах 18 человек¹⁰. Затем 11 декабря не вернулись из отпуска еще 13 человек¹¹. Всего же, как докладывал начальнику контрольного участка Лифляндской губернии Рижский полицмейстер в феврале 1917 г., в г. Риге задержано 260 самовольно отлучившихся из армии нижних чинов¹².

Таким образом, состояние воинской дисциплины к концу 1916 – в начале 1917 г., в том числе и в считавшихся устойчивыми латышских формированиях, была далека от идеальной. В дальнейшем ситуация только ухудшалась. Отсутствие дисциплины было характерно для всех латышских частей. Так, в августе 1917 г. было задержано 6 нижних чинов 4-го Латышского стрелкового полка. В сентябре было поймано в самовольной отлучке 12 латышских солдат 5-го полка и 8 человек из 4-го полка. В октябре в самовольной отлучке были задержаны 9 человек 1-го стрелкового полка и 6 человек 3-го стрелкового¹³.

Еще более опасным для морально-психологического состояния войск являлось дезертирство военнослужащих.

Так, 31 августа 1915 г. из 19-го армейского корпуса дезертировали нижние чины, поляки И.М. Цвек, Крак, Булинский и Надан, стремившиеся дождаться прихода немцев и вернуться на родину, занятую врагом. Но опухоль на ноге И.М. Цвека помешала идти, и товарищи бросили его в лесу.

Просидев в лесу около четырех недель, он вернулся в свое подразделение, после чего был осужден и, как штрафованный, приговорен к двум годам дисциплинарной части¹⁴.

Среди нижних чинов нередко велась враждебная агитация и распространялись слухи. Так, в январе 1916 г. военным судом 5-й армии был осужден рядовой 152 пехотного Владикавказского полка, пулеметчик Август Юрак, латыш по национальности, оказавшийся 11 сентября 1915 г. в немецком плену, а позже бежавший. А. Юрак вернулся из плена с большим количеством денег и стал убеждать своих сослуживцев о хорошей жизни в зоне немецкой оккупации и предлагал всем сдаваться в плен. Собственно говоря, арестован он был по доносу своих же сослуживцев. И хотя Юрак отказался от своих слов, суд решил за распространение слухов по неосторожности подвергнуть его одиночному заключению в военной тюрьме на 1 месяц с переводом в разряд штрафованных и потерю некоторых прав и преимуществ по службе. Но фактическое отбытие наказания было отложено до конца войны¹⁵.

Армейское руководство предпринимало определенные шаги по наведению порядка в тылу и в прифронтовой полосе. В сентябре 1915 г. по повелению императора для предотвращения в тылу армии беспорядков, мародерства, грабежей предписывалось начальникам штабов фронта назначить особых людей, а при них контрольные участки и контрольные районы. Выполняя это распоряжение, Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский 25 сентября 1915 г. издал приказ о создании таких контрольных участков по Лифляндской губернии в Юрьеве, по Эстляндской губернии в Ревеле, по Петроградской в Петрограде, по Новгородской в Новгороде, по Тверской и Ярославской губерниям в Бежецке, по Витебской в Витебске и по Псковской губернии в Пскове. Участки комплектовались подвижными командами, которые были

призваны осуществлять военно-полицейский надзор в прифронтовой полосе¹⁶.

На основании этого приказа командир Латышского стрелкового запасного батальона 8 декабря 1916 г. направил 79 человек в распоряжение дежурного генерала штаба 12-й армии генерал-лейтенанта В.В. Ермолова для формирования военно-полицейской полуроты 2-й Латышской стрелковой бригады¹⁷. А 9 декабря 1916 г. запасной батальон направил еще 102 человека для формирования военно-полицейской полуроты в 1-ю Латышскую стрелковую бригаду¹⁸.

Всего же по приказу начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего №1288 от 15 сентября 1916 г. в каждом формируемом латышском стрелковом полку полагалось иметь полицейскую команду из 22 человека, в том числе одного начальника – офицера, двух унтер-офицеров, двух ефрейторов, 16 рядовых и одного денщика¹⁹.

В основном полицейские команды занимались задержанием самовольщиков и препровождением их в комендатуры. Так, ведомость о числе нижних чинов, задержанных за период с 1 октября 1916 г. по конец января 1917 г. показывает, что по Витебскому контрольному участку таковых оказалось 16137 человек, по Полоцкому – 8101, а по Рижскому только 444 человека всего²⁰.

Следует отметить, что численность пойманных солдат в разгар наиболее ожесточенных боев за Ригу количество задержанных по Рижскому участку упала в сотни раз и практически сошла на нет. Это может косвенно свидетельствовать о стремлении военнослужащих выполнить свой воинский долг и отбить атаки немцев. В тоже время, численность задержанных по Витебскому и Полоцкому районам в течение четвертого квартала 1916 г. стремительно увеличивалась, что явно указывало на снижение воинской дисциплины в частях. А вот в январе 1917 г. количество задержанных резко сократилось и по этим районам в 1,5 – 2 раза. Что, вероятно, может быть

объяснено не резким повышением дисциплинированности войск, а изменением отношения военного руководства или военно-полицейских формирований к таким нарушениям, т.е. началось массовое попустительство и нарушителей просто перестали ловить.

Процессы, демонстрировавшие тенденцию усталости от войны и, как следствие, снижение дисциплинированности войск, можно было увидеть еще во второй половине 1916 г. Так, командир 1-го латышского Усть-Двинского стрелкового полка полковник К.К. Карлсон исключил 14 ноября 1916 г. из состава части 5 человек, отсутствовавших на месте службы более двух месяцев, а трое из них более полугода, то есть с апреля 1916 г.²¹

А уже в начале 1917 г. военнослужащие стали демонстрировать открытое неповиновение и сопротивление начальникам, в том числе и с оружием в руках. Так, Рижский полицмейстер докладывал рапортом 26 февраля 1917 г. начальнику штаба XII армии, что в Митаве, когда полиция вела 9 человек военнослужащих, задержанных при облаве, на патруль было совершенно вооруженное нападение нижними чинами 1-й роты 1-го Усть-Двинского латышского полка, отбивших четверых задержанных и давших им возможность скрыться от конвоя²².

Это были очень необычные и тревожные для армии происшествия. Однако Военный прокурор Двинского военно-окружного суда 30 марта 1917 г. сообщал командиру 1-й Латышской бригады, что дела в отношении пяти латышей-дезертиров, прекращены навсегда с отменой всех мер пресечения. Если же они снова самовольно отлучатся и добровольно не вернуться до 1 мая, то это будет новое уголовное дело после 17 марта. То есть, все кто находился в бегах (дезертировал) получал амнистию, главное надо было вернуться в часть до 1 мая²³.

Таким образом, нарушения воинской дисциплины в этнических формированиях наблюдались на протяжении всей войны, как среди офицерского состава, так и среди солдат. Промотание казенного имущества

(одежды, обуви, инвентаря и др.) было характерно в большей степени для нижних чинов этнических воинских формирований. Хищение и сбыт государственного имущества был связан с традиционным для крестьян мировосприятием, полагавших, что государство обязано снабжать их всем необходимым (имуществом, питанием и пр.) в неограниченном количестве, а сохранность не своих, «ничейных» вещей не воспринималось ими как обязательная норма. Недостаток необходимых продуктов питания лишь подстегивал солдат к проматыванию казенного имущества, которое, к тому же, было востребовано гражданским населением.

В условиях любой войны чрезвычайно трудно поддерживать порядок и соблюдать законы в силу объективных причин: вооруженности самих войск, оторванности солдат от своих мест проживания и так далее. Зачастую командование закрывало глаза на нарушения солдат и офицеров, фактически попустительствуя проступкам и преступлениям своих подчиненных. Нередко в прифронтной полосе отсутствовали и полноценные следственные органы, которые бы расследовали случаи совершения преступлений. Многие зависело и от состояния самой воинской дисциплины в частях.

С развитием революционного брожения в армии части стремительно разлагались. Не были в этом плане исключением и этнические формирования. Их также поразили анархия, политическая деятельность, и катастрофическое падение воинской дисциплины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнические формирования российской армии в годы Первой мировой войны», проект №13-01-00232.

Примечание

1. Национальный архив истории Белоруссии (НАИБ). Ф. 740. Оп.1. Д.4. Л.1.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.3449. Оп.1. Д.29. Л.34 с об.

3. Национальный архив Армении (НАА). Ф.1267. Оп.1. Д.22. Л.22.
4. Там же. Ф.1267. Оп.1. Д.9. Л.61.
5. Приказ интенданта Юго-Западного фронта № 1087 от 19 июля 1917 г.
6. РГВИА. Ф.3449. Оп.1. Д.29. Л.169 об., 176, 179, 190, 216, 223, 227, 229, 232, 234, 235, 236, 237, 239.
7. Там же. Ф.3449. Оп.1. Д.29. Л.275,276.
8. Там же. Ф.3449. Оп.1. Д.29. Л.298.
9. НАИБ. Ф. 3328. Оп.1. Д.3. Л.114.
10. РГВИА. Ф.7997. Оп.1. Д.8. Л.86.
11. Там же. Ф.7997. Оп.1. Д.8. Л.92, 143.
12. НАИБ. Ф. 3328. Оп.1. Д.3. Л.88.
13. РГВИА. Ф.2550. Оп.1. Д.167. Л.3,4,5,9,11.
14. НАИБ. Ф. 2525. Оп.1. Д.9. Л.2,15,16,34,36.
15. Там же. Ф. 2525. Оп.1. Д.12. Л.2,13,30,38,62.
16. Там же. Ф. 3328. Оп.1. Д.3. Л.162.
17. РГВИА. Ф.7997. Оп.1. Д.8. Л.66.
18. Там же. Ф.7997. Оп.1. Д.8. Л.75,76.
19. Там же. Ф.2550. Оп.1. Д.113. Л.15.
20. НАИБ. Ф. 3328. Оп.1. Д.3. Л.21.
21. РГВИА. Ф.2550. Оп.1. Д.147. Л.149.
22. Там же. Ф.2550. Оп.1. Д.147. Л.191.
23. Там же. Ф.2550. Оп.1. Д.147. Л.58.

Библиографический список

Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М.: Изд-во военного министерства Управляющего делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. С. 13.

Delinquencies in ethnic units of Russian Army during the First World War: reasons and after-effects.

A.D. Poperechnaya

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, Perm, 614990, Russia

a.poperechnaya@outlook.com

Before the First World War Russian Government proposed an idea of creating special ethnic army units. Extra sub-divisions should have increased armed force efficiency and discipline. Russian military leadership had another point of view on this issue but nevertheless the named army elements were organized. In the present article we study in details the state of discipline in the ethnic formations during the First World War. The evolution of law and order status in such units during the War is fully described in connection with political regime transformations. No important differences between ethnic and Russian army units in the quality and quantity of delinquencies are found. Number of infractions was large and that is easily explained by an absence of strict control in the immediate battle area: there were no martial-law courts or they were badly organized. Russian Revolutions of 1917 accelerated moral degradation in all army formations, and in ethnic units especially. Our study makes to conclude with no doubts that Government decision to raise ethnic units was short-sighted.

Key words: First World War, the ethnic formations, state of discipline, delinquencies, offences.

References

Zaharov M. Nacional'noe stroitel'stvo v Krasnoj Armii. M.: Izd-vo voennogo ministerstva Upravljajushhego delami Narkomvoenmor i RVS SSSR, 1927. S. 13.